

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.56)"1771"
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477

Влияние откочевки подданных наместника Калмыцкого ханства в Китай в 1771 г. на калмыцкие поселения Оренбургской губернии

*Степан Викторович Джунджузов*¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0001-8937-5690. E-mail: djundj[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Джунджузов С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается незатронутая в историографии проблема влияния откочевки из России в Китай в 1771 г. калмыков-торгутов на калмыцкое население Оренбургской губернии. Источниками для ее изучения послужили материалы фонда № 3 «Оренбургская губернская канцелярия» Объединенного государственного архива Оренбургской области. Наряду с документами, содержащими распоряжения оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и разного рода адресованные ему донесения, в них представлены показания калмыков, подвергавшихся допросам в канцелярии Яицкого казачьего войска. Большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот. Восстановление канвы рассматриваемых событий посредством привлеченных архивных материалов потребовало использования специальных методов исторического исследования: критического анализа исторических источников, исторической непрерывности, а также историко-сравнительного и историко-правового методов, позволяющих проследить общие и отличные черты в правовом положении калмыцких поселян в Оренбургской губернии. *Результаты.* Непосредственно вовлеченными в процесс калмыцкой миграции оказались калмыки-казаки Яицкого войска. С подданными наместника Калмыцкого ханства они были связаны родственными и конфессиональными узами. Под влиянием агитации, принуждения или из-за боязни расстаться с семьей часть яицких калмыков присоединилась к откочевке, спровоцированной калмыцкой знатью. Однако среди яицких калмыков были и такие, кто не только не пожелали покинуть Россию, но и помогли преследовать беглецов. Усилия российской администрации по ограничению контактов оренбургских и ставропольских крещеных калмыков не позволили вовлечь их в миграционный поток. Более того, Ставропольское калмыцкое войско пополнилось группой калмыков, отказавшихся от побега и выразивших желание стать православными христианами.

Ключевые слова: Джунгария, калмыки, Калмыцкое ханство, Китай, Оренбургская губерния, Оренбургское казачье войско, откочевка, Ставропольское калмыцкое войско, Яицкое казачье войско

Для цитирования: Джунджужов С. В. Влияние откочевки подданных наместника Калмыцкого ханства в Китай в 1771 г. на калмыцкие поселения Оренбургской губернии // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 461–477. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477

The Influence of the Migration of the Governor's Subjects from Kalmyk Khanate to China on the Kalmyk Settlements of Orenburg Province in 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov¹

¹ Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation).

Dr.Sc. (History), Professor

 0000-0001-8937-5690. E-mail: Djund[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dzhundzhuzov S.V., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with the problem of the influence of the migration of Kalmyks from Russia to China on the Kalmyk population of Orenburg province in 1771, which is not affected in historiography. The sources for the study were the *materials* of the fund No. 3 “Orenburg Provincial Chancellery” of the United State Archive of the Orenburg region. Along with the documents containing the orders of the Orenburg governor I.A. Reinsdorp and various reports addressed to him, they contain the testimony of Kalmyks who were interrogated in the office of the Yaik Cossack army. Most archival documents are being introduced into scientific circulation for the first time. The restoration of the outline of the events under consideration through the use of archival materials required the use of special *methods* of historical research: critical analysis of historical sources, historical continuity, as well as historical-comparative and historical-legal methods that allow tracing common and distinct features in the legal situation of Kalmyk villagers in Orenburg province. Results. Kalmyks-Cossacks of the Yaik army turned out to be directly involved in the process of Kalmyk migration. They were related to the subjects of the governor of the Kalmyk Khanate by kinship and confessional ties. Under the influence of agitation, coercion, or out of fear of parting with their family, some of the Yaik Kalmyks joined the migration provoked by the Kalmyk nobility. However, among the Yaik Kalmyks there were those who not only did not want to leave Russia, but also helped to pursue the fugitives. The efforts of the Russian administration to limit contacts between Orenburg and Stavropol baptized Kalmyks did not allow them to be involved in the migration flow. Moreover, the Stavropol Kalmyk army was replenished by a group of Kalmyks who refused to escape and expressed a desire to become Orthodox Christians.

Keywords: Dzungaria, Kalmyks, Kalmyk Khanate, China, Orenburg province, Orenburg Cossack army, migration, Stavropol Kalmyk army, Yaik Cossack army

For citation: Dzhundzhuzov S. V. The Influence of the Migration of the Governor's Subjects from Kalmyk Khanate to China on the Kalmyk Settlements of Orenburg Province in 1771. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 461–477. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477

1. Введение

Откочевка 200 тыс. калмыков-торгутов на завоеванную Китаем территорию бывшего Джунгарского ханства стала ключевым событием и величайшей трагедией в истории калмыцкого народа. До китайской границы добралось не более половины калмыцких переселенцев. Люди гибли от голода, болезней, в сражениях с неприятелем, получали ранения, попадали в плен (см., например: [Тепкеев, Кабульдинов 2023]) и со временем теряли свою этническую идентичность. Ушедшие в Китай и оставшиеся в России калмыки утратили государственность. Нарушены были исторически сложившиеся этнородственные связи.

Как и всякое крупное историческое событие, уход калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства из России нашел отражение в трудах исследователей разных поколений от очевидцев до современных отечественных и зарубежных историков. И если его итог и последствия для калмыцких переселенцев характеризуются в российской историографии как национальная трагедия, то трактовка причин, побудивших правящую верхушку Калмыцкого ханства принять решение об откочевке в Китай, в разные периоды их изучения имела существенные различия.

В дореволюционной российской историографии преобладали мнения, что виновником миграции был наместник ханства Убаши, попавший под влияние ангажированной китайскими властями владельческой верхушки, и в первую очередь нойона Шеаренга [Левшин 1832: 252]. Иными словами, в выпавших на калмыцкий народ бедах виноваты сами калмыки, которые со времени принятия российского подданства постоянно нарушали взятые на себя обязательства [Попов 1861: 20–31].

Советская историография, напротив, акцентировала внимание на угнетательской сущности имперской национальной политики России. В русле заданной парадигмы уход калмыков в Центральную Азию рассматривался как своеобразная форма борьбы против царизма. Советские историки акцентировали внимание на кризисных явлениях в экономике, с которыми столкнулось Калмыцкое ханство в 60–70-е гг. XVIII в., когда места традиционного кочевья калмыков стали объектом крестьянской и казачьей земельной колонизации. Социальной напряженности также способствовала христианизация калмыков, переселявшихся на отведенные им в пределах России территории. Усиление экономического и политического гнета и связанная с ними угроза упразднения калмыцкой государственности побудили правящую верхушку Калмыцкого ханства отказаться от российского подданства [Мавродин 1961: 501; Беликов 1965: 99; Беликов 1971: 47; Чимитдоржиев 1989: 52–53].

Современная российская историография от предыдущих периодов отличается более объективным, комплексным подходом к изучению миграции значительной части калмыков в Китай и причин, побудивших их к этому роковому шагу. Наряду с колониальной и феодальной сущностью политики царизма в отношении калмыков исследователи углубились в изучение их этнической культуры, психологии, влияния религиозного фактора как побудительного мотива возвращения на «старую родину». В частности в работе Е. В. Дорджиевой успешную агитацию народных масс в пользу откочевки в Центральную Азию автор пытается объяснить такими якобы характерными чертами калмыцких простолюдинов как беспечность, безмятежность, халатность, жизнь одним днем.

На психологическом настрое, по мнению Е. Д. Дорджиевой, также сказались свойственные ментальности калмыков монархическая доминанта и осмысление себя частью ойратского универсума [Дорджиева 1999: 234]. На клерикальную элиту калмыков, как активного участника подготовки и реализации откочевки 1771 г., обращает внимание А. А. Курапов. Поводом для откочевки, по его мнению, стали «подзывные грамоты Далай-ламы», апеллировавшие к присоединению калмыков к единоверцам [Курапов 2018: 414].

В. И. Колесник рассматривает «бегство торгоутов» из России в ряду выдающихся событий конца XVIII в., оставивших след в мировой истории. Исследователь называет его последней крупной миграцией в истории человечества. Откочевка производилась организованно, в соответствии с разработанным планом и по определенному в нем маршруту. Предпринятый наместником ханства Убаши переход В. И. Колесник оценивает как героический: «Калмыки проявили удивительные и беспримерные даже для степных кочевников выносливость, мужество, самоотверженность» [Колесник 2003: 48]. Характеризуя последствия принятия ушедших с Волги калмыков в китайское подданство, историк солидаризируется с устоявшимся мнением, что для калмыцких переселенцев, рассеянных китайскими властями на обширной территории по разным военно-административным округам, стала невозможной дальнейшая национальная консолидация «не только на общеойратском, но и на субэтническом — торгоутском, дербетском, хошоутском уровнях, чего собственно и добивалась Китайская империя» [Колесник 2003: 48].

Отдавая должное полноте и научной значимости трудов историков разных поколений, нельзя не признать, что объектом их изучения главным образом являлись ушедшие в Китай калмыки-торгуты и в меньшей степени калмыки, оставшиеся в низовьях Волги. Недостаточно или вовсе незатронутыми остаются проблемы административного, военного, правового и социального характера, с которыми столкнулись властные структуры и жители приграничных губерний, оказавшиеся прямо или косвенно втянутыми в ситуацию, сложившуюся в связи с бегством волжских калмыков. Одной из задач, требовавшей немедленного решения, выступало принятие превентивных мер к недопущению ухода поселенных в Оренбургской губернии яицких, оренбургских и ставропольских крещеных калмыков. Эти группы калмыков были причислены к военно-служилому сословию и исполняли возложенные на казаков повинности.

2. Материалы и методы исследования

Источниками для рассмотрения этого, как будет показано ниже, достаточно разноаспектного вопроса послужили материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного архива Оренбургской области. Привлеченный массив документов условно можно разделить на две группы. Первую из них составили ордера и распоряжения, исходившие от оренбургского губернатора, генерал майора И. А. Рейнсдорпа и равного ему по званию командующего Оренбургским корпусом И. К. Давыдова, а также рапорты и донесения казачьих атаманов, старшин и прочих военных чиновников. Ко второй группе были отнесены показания яицких калмыков-казачей, записанные во время допросов в Яицкой войсковой канцелярии, а также других очевидцев, подвергшихся нападению мятежных калмыков. Большинство архивных документов

впервые вводятся в научный оборот. Восстановление канвы рассматриваемых событий посредством привлеченных архивных материалов потребовало использования специальных методов исторического исследования: критического анализа исторических источников, исторической непрерывности, а также историко-сравнительного и историко-правового методов, позволяющих проследить общие и отличные черты в правовом положении калмыцких поселян в Оренбургской губернии.

3. Калмыки-казаки Яицкого казачьего войска

Тесную связь с Калмыцким ханством сохраняли калмыки, состоявшие казаками Яицкого (с 1775 г. — Уральского) казачьего войска. Многие из них были казаками в первом или втором поколениях. Яицкие калмыки, селившиеся на войсковых землях, сохраняли связь с оставшимися в ханстве родственниками, их не принуждали к смене вероисповедания. Они продолжали исповедовать буддизм. Яицким калмыкам не возбранялось совершать паломничества в расположенные в Калмыцком ханстве буддийские монастыри — хурулы. Там же приезжавшие с Яика калмыки проходили обряды посвящения в духовные звания — гецулей и гелюнгов.

В исследованиях, посвященных истории Калмыцкого ханства, в качестве одной из основных причин недовольства калмыцкой знати проводимой Россией политикой определяется целенаправленная христианизация калмыков. Однако не меньшую опасность для традиционного калмыцкого кочевого сообщества представлял переход части калмыков в казачье сословие. Для рядовых калмыков, а запись в казаки означала освобождение от феодальной, по сути крепостной, зависимости от улусных владельцев — нойонов и зайсангов. Естественно, на этой почве между калмыцкими нойонами и казачьей администрацией возникали недопонимание и конфликты.

Рост численности яицких казаков из калмыков в первой половине и середине XVIII в. объяснялся запретом правительства принимать в войско беглых крестьян. Регулярная статистика численности калмыков в Уральском и соседнем Оренбургском казачьем войске начала вестись в XIX в. В данном случае мы вынуждены оперировать более ранними сведениями. В начале XVIII в. в Яицком войске состояло 43 калмыка. В 1725 г. в казаки записались еще 110 калмыков, а в 1748 г. в окрестностях Яицкого городка кочевало уже 620 калмыков, из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей» [Джунджузов 2016: 42].

В документации Войсковой канцелярии отложились документы: прошения, допросные листы, свидетельствующие, что калмыки продолжали записываться в казачью службу и в последующие десятилетия. Калмыки, официально числившиеся казаками Яицкого войска, состояли в 60-кибиточной команде. От них уже не требовалось указывать, какому калмыцкому владельцу они прежде принадлежали и как давно причислены к войску.

В 1768 г. на рассмотрение состоящему при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковнику И. А. Кишенскому поступили два ходатайства со взаимными претензиями. Одно от нойона Бамбара к Яицкому войску и казаку Гендуну Гецулю. И второе, соответственно, от Гендуна Гецуля к Бамбару и его

племяннику Киптену (в документе упоминается как Капитан). Если абстрагироваться от традиционных для казаков и кочевников обвинений друг друга в отгоне скота, пленении людей и нанесении ран, то главная и принципиальная претензия со стороны Бамбара к Яицкому войску заключалась в неконтролируемом приеме в его состав беглых калмыков.

Бамбар настаивал, что в числе новоявленных яицких казаков имеются калмыки, преследовавшиеся ранее за уголовные преступления. По свидетельству нойона, сам Гендун Гецуль, прежде состоявший на службе у наместника ханства Убаши, украл четыре ханских лошади и продал русским людям. За совершенное воровство и другие проступки он был предан суду. Совместно с ханскими представителями судебным разбирательством занимался сам полковник И. А. Кишенской. Не дожидаясь приговора и неминуемого наказания, Гецуль с четырьмя сообщниками бежал на Яик и записался в казаки. На неоднократные требования наместника ханства о возвращении беглого преступника Войсковая канцелярия якобы ответила, что «он, Гецуль, принят ими не за воровского, но за добросостоятельного человека» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 68об.].

В дальнейшем Гендун Гецуль примирится с Убаши и от его имени будет подстрекать яицких калмыков к уходу из российского подданства.

Надо отдать должное полковнику И. А. Кишенскому, предложившему оренбургскому губернатору целую программу мероприятий, способных в случае их реализации положить конец трениям между Калмыцким ханством и Яицким войском по поводу переманивания состоявших в их ведомствах калмыков. Предложения И. А. Кишенского заключались в следующем:

1) провести ревизию всех 60 кибиток, состоявших в команде Яицкого войска, и по ее итогам составить именной список яицких калмыков;

2) установить всех бежавших из улусов на Яик калмыков, особенно, как подчеркивал И. А. Кишенской, «учинивших смертное убийство», которых для проведения следствия прислать с нарочными в его распоряжение;

3) Яицкому войску подтвердить требование, чтобы калмыкам, отправлявшимся в улусы Калмыцкого ханства, в Войсковой канцелярии выписывались паспорта. По прибытии к указанному в паспорте месту им надлежало явиться для регистрации к определенному при калмыцких делах командиру;

4) о бежавших с Яика калмыках-казаках Войсковая канцелярия должна была информировать уполномоченного чиновника, состоявшего при калмыцких делах.

И. А. Кишенской стремился охватить волжских калмыков максимальным контролем и требовал от оренбургского губернатора запретить Яицкому войску вступать в переписку с калмыцкими владельцами. Он утверждал, что в силу высочайших указов из Коллегии иностранных дел состоять в переписке с наместником Калмыцкого ханства и калмыцкими нойонами позволено только находящемуся при калмыцких делах командиру. Не считается с этим правилом только Яицкое войско [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 64–65об.].

В дальнейшей ведомственной переписке оренбургских губернаторов с атаманами и канцелярией Яицкого войска об инициативах полковника И. А. Кишенского не упоминается. Возможно, документы с резолюциями по ним были утрачены. Но, скорее всего, они были сознательно проигнорированы, так как ни оренбургским губернаторам, в чьем ведении находилось Яицкое казачье войско,

ни самому Войску в лице его атаманов и старшин, не хотелось терять источник пополнения казачьего населения.

Движение калмыков-торгутов на Восток началось 5 января 1771 г. [Болдырева 2006: 262]. В Оренбурге об истинном намерении наместника ханства покинуть Россию и перейти в подданство китайского императора стало известно через десять дней, когда передовые кочевья беглецов достигли Яика. Первыми информаторами оренбургских администраторов о смуте, случившейся в Калмыцком ханстве, были яицкие калмыки-казаки. Оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп, видимо, оправдывая свою нерешительность, признался командующему Оренбургским корпусом генерал-майору Ивану Кириловичу Давыдову, что «по многим резонам отнюдь тому не верил, чтоб Волжская калмыцкая орда¹ на побег подвигнуться могла». И только 23 января, когда получил извещение от полковника И. А. Кишенского, оренбургский губернатор наконец убедился, «что она орда с ее наместником и владельцами, по учинении некоторого злодейства, на побег, конечно, пошла» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 61].

Откочевка волжских калмыков до реки Яик проходила по территории Яицкого казачьего войска. Наместник ханства Убаши полагал, что яицкие калмыки, вдохновленные идеей возвращения на родину предков, откликнутся на его призыв. Все яицкие калмыки, заподозренные или задержанные в побеге, как и те, кто отказались в нем участвовать, в своих показаниях утверждали, что подстрекал их покинуть Россию вернувшийся из «Волжской калмыцкой орды» отставной яицкий казак Гендун Гецуль, причем из всех опрошенных непосредственно встречался с Гецулем только Балдан Габун Шарапов сын, остальные узнавали о его призывах от родственников и знакомых.

Балдан состоял в 60-ти кибиточной команде. Совместно с отцом и еще 31 семейством (кибитками) имел кочевье на реке Камелик. 10 января на пути из Яицкого городка ему повстречались Гендун Гецуль и сопровождавшие его калмыки. Гецуль ему рассказал, что вся Калмыцкая орда кочует к Яику и далее намерена переправиться через него и идти в Джунгарию (в тексте, как тогда было принято ее называть — в Зенгорию. — С. Д.). Балдан был свидетелем случившегося на той же дороге нападения Гендуна Гецуля с калмыками на трех русских мужиков, у которых они отобрали лошадь, два зипуна и 25 копеек денег. Совершенное преступление, видимо, должно было символизировать решимость Гецуля, его готовность идти к поставленной цели, не останавливаясь перед нарушением российских законов. На прощанье Гендун Гецуль забрал у Балдана его гнедого мерина, взамен оставив крестьянскую лошадь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 41об.-42].

На ночлег Гендун Гецуль со своими сподвижниками остановился в калмыцком кочевье близ Яицкого городка. Часть яицких калмыков поддались на его уговоры. Пятерых из них, состоящих в казаках, бывшего сотника Ивашку Мулунова с женой и детьми, Намро, Лаузана и Батрика Зодбиных и волжского калмыка Сахалту Минжи (Минзи) признали оставшиеся верными присяге Адын Шапки и Баяр Шатков. Задержать вооруженных изменников они не смогли и в 2 часа по полуночи обратились за содействием к атаману Иванникову. Посланная атаманом казачья команда задержала одного калмыка Мунгуша. Еще один

¹ Под терминами Волжская калмыцкая орда, Калмыцкая орда в архивных документах подразумевается Калмыцкое ханство и его население.

калмык Баран Бажиров попал под подозрение, так как у него была оседлана лошадь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 23].

Старшины Войсковой канцелярии выразили уверенность, что от Яицкого городка Гендун Гецуль, Ивашка Мулунов и Сахалта Минжи отправятся к реке Деркул, где находилось их кочевье в числе десяти кибиток. Войсковая канцелярия для поимки смутьянов предложила генерал-майору И. К. Давыдову к реке Деркул направить казачью команду [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 22]. Однако, как выяснилось пятью днями позднее — 16 января, калмыков на Деркуле уже не было. В тот день в Войсковую канцелярию был доставлен башкир Аллабурда Кунаков. На реке Деркул он состоял пастухом при зимовавших там татарских лошадях. 9 января (в документе: «назад тому семь дней». — С. Д.) к его косяку подъехали десять калмыков, из которых он узнал служивших казаками Улюмжу Багдыкова и Шарапа Дундукова. У Кунакова они забрали двести лошадей. Затем Шарап Дундуков с четырьмя калмыками поехали в деркульские хутора. Три дня Кунаков оставался в степи в окружении незнакомых калмыков, которые, не дождавшись возвращения Ш. Дундукова, отобрали у Кунакова хорошую одежду и отпустили его на одной худой лошади [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 47–47об.].

Сведения о произошедшем на Деркуле инциденте в Войсковой канцелярии представили казаки из калмыков Лабзан и Чидан Банниковы. 11 января братья Банниковы возвратились в свое кочевье из Яицкого городка. Их отец, отставной казак Банник Кренцинов, рассказал им при встрече, что к ним в кочевье 9 января приезжали вернувшиеся из Калмыцкой орды Гендун Гецуль, Улюмжа Багдыков и с ними еще человек двадцать волжских калмыков. К поступившему уже прежде сообщению о намерении волжских калмыков идти в Джунгарию уточнялось, что переправляться через Яик они будут между Гурьевым и Яицким городками. Возглавляет Калмыцкую орду сам наместник ханства Убаши, а его ближайший соратник, нойон Шеаренг, собравший до пяти тысяч калмык, намеревается совершить нападение на Яицкий городок.

Братья Банниковы уведомили Войсковую канцелярию, что все кочевавшие с ними калмыки, за исключением их отца, уведены заговорщиками в Калмыцкую орду. Отец же их, Банник Кренцинов, решившийся не идти на поводу у изменников, был ограблен и ранен копьем. В надежде на возмещение понесенных убытков Банниковы представили опись имущества, отобранного у их семейства [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 43–44об.].

Преследование вышедших из повиновения яицких калмыков осложнялось непредсказуемостью их перемещений. Войсковая канцелярия не могла толком определиться, когда и где провокаторы смуты появятся в следующий раз: «сумнительно, чтоб от выше писанных беглецов и те все были не подговорены, и по их лехкомыслию не пошли в другое место» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 22об.].

Новое сообщение о появлении подстрекателей в яицких кочевьях поступило в Войсковую канцелярию 13 января от походного сотника Федора Породнова, несшего службу на Нижней Яицкой линии в Кош-Яицком форпосте. Подробно-сти происшествия, случившегося в калмыцком кочевье, которое располагалось напротив Кош-Яицкого форпоста, при урочище Кушум, засвидетельствовал калмык Алдан Убушин. Оба свидетеля, дополняя друг друга, показали следующее.

11 января в указанное выше кочевье из Яицкого городка вернулись два калмыка: отставной казак Хасан и волжский калмык Лошара Кабдин. Они рас-

сказал, что Гендун Гецуль призывает всех яицких калмыков следовать за ними в Калмыцкую орду. Из семи кибиток не откликнулись на этот призыв только калмык из джунгар Номго Баин Шара и сам Алдан Убушин. «Видя их к побегу злое намерение», Алдан (в рапорте Породнава назван Абдой. — С. Д.) поспешил за подмогой в Кош-Яицкий форпост. По его наводке сотник Ф. Породнав снарядил команду из 20 казаков. Казаки преследовали беглецов двадцать верст, но не настигли.

Щедрой компенсацией казакам за неудачную погоню могло служить брошенное калмыками имущество. В рапорте сотника Ф. Породнава перечисляются собранные казаками 300 лошадей, 4 тыс. голов рогатого скота, 4 кибитки, один котел с таганом. Лошади и скот были отогнаны к форпосту. Лошадей всех распределили между казаками, а рогатый скот остался пастись при форпосте [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 39].

В донесении Алдана Убушина казачьи трофеи выглядят существенно скромнее. Решившиеся на побег калмыки угнали 47 лошадей, 5 из которых принадлежали войсковому старшине Алексею Митрясову. Преследовавшие беглецов казаки забрали несколько лошадей, 47 голов скота и «5 кибиток с ветхими кошмами» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 46–46об.].

Последнее яицкое кочевье, жители которого были увидены мятежниками, находилось на реке Камелик. О разорении этого кочевья рассказали на допросе четверо калмыков, задержанных казачьей командой старшины Нефедя Матовщикова: уже упоминавшийся Балдан Шарапов, его отец Габун Шарапов и их соседи по кочевью: Намро Солом и Сангажит Чувашев.

На следующий день после встречи Балдана Шарапова с Гендун Гецулем эти четверо калмыков поспешно отправились в свое кочевье. Оно находилось на расстоянии ста верст от Яицкого городка. Возвратившиеся к месту жительства калмыки никого не застали. Все их соседи и родственники с женами и детьми, забрав лошадей, ушли, подчинившись призыву ханских эmissаров. После них осталось пятнадцать брошенных кибиток, вокруг которых бродили несколько коров и баранов. Шараповы и их спутники отправились по следам жителей своего кочевья. Но, как уже говорилось, были схвачены казаками.

На заданный им в Войсковой канцелярии вопрос, почему они решились на побег, все задержанные отвечали практически одинаково: «для того, что жены и дети наши уже все разобраны», «понеже жена моя и дети находилась там», «для того, что жены и дети наши все с оным Гецулем забраны» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 41–43об.].

20 января 1771 г. Войсковой канцелярией Яицкого казачьего войска на имя генерал-майора И. К. Давыдова был представлен рапорт с приложенным к нему реестром состоявших в Войске калмыков, откочевавших в Калмыцкую орду. Согласно представленным в реестре данным из 60 кибиточных калмыков, которые действительно были «в казаках», бежали 18 человек и при них 18 кибиток (семей), также с женами и детьми ушли 5 отставных калмыков-казаков. Еще откочевавших 11 человек с десятью кибитками определялись как: «пришедшие в разные годы, здесь кочующие» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 55].

Реестр был составлен по горячим следам. Приведенные в нем данные не позволяют даже приблизительно определить количество калмыков, покинувших территорию Яицкого войска. Учитывались только взрослые мужчины, служи-

лые и отставные казаки и наличие у них кибиток. А сколько в этих кибитках насчитывалось женщин и детей, остается неясным. Однако с Яика могла уйти лишь незначительная часть калмыцкого населения Яицкого казачьего войска. В 1865 г., в Уральском казачьем войске состояло 1 280 калмыков, в два раза больше, чем в 1748 г. [Джунджузов 2016: 42].

Явных экономических и социальных причин для откочевки в Джунгарию яицких калмыков, в отличие от их волжских сородичей, не было. Они добровольно переселились на Яик и стали яицкими казаками. Их права и обязанности были теми же, что и у других казаков. Яицкие калмыки не подвергались принудительной христианизации, свободно общались с родственниками в Калмыцком ханстве. Они не зависели от власти наместника Калмыцкого ханства и своих бывших владельцев — нойонов и зайсангов. Показания задержанных яицких калмыков указывают, что их не только уговаривали, но и принуждали к побегу. Двигаться вслед за бегущими их также заставляла разлука с уже уведенными смутьянами семьями, родственниками и соседями. Однако не следует делать окончательных выводов, основываясь лишь на показаниях задержанных калмыков. Крайне сомнительно, чтобы несколькими посланцам наместника Убаши удалось угрозами склонить к побегу десятки добровольно поступивших на казачью службу калмыков, если бы они сами того не желали. Более глобальную причину следует искать в общей калмыцкой или, точнее, в общей ойратской идентичности. Она могла проявляться в народной мифологии о прекрасной земле предков. К тому же зазывалы не скупилась на обещания привольной и богатой будущей жизни на вновь обретенной родине.

Последнее сообщение о бегстве калмыков из Яицкого войска датируется 2 февраля 1771 г. Есаул Логинов из Сорочиковской крепости доложил, что казаки, отпущенные для привоза сена, двое калмыков и один ногаец, перешли на степную сторону Яика к волжским калмыкам. В Сорочиковской крепости остались их жены и дети [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 328]. Через неполных два месяца ногойцу Ниязу Надырову удалось вырваться из калмыцкого плена. На допросе в Войсковой канцелярии он рассказал, что калмыки обманом заманили его в степь, где будто бы паслись бесхозные лошади. Проехав две версты, они его связали и повезли вслед за уходившей Волжской калмыцкой ордой [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 411].

Однако в донесениях Канцелярии Яицкого казачьего войска также содержатся сведения о преданности яицких калмыков-казаков, их участии в преследовании бежавших за пределы России калмыков. Так, 7 марта 1771 г. из Калмыковой крепости для выяснения местонахождения беглых калмыков были отправлены три разведчика — два русских казака и калмык Табита Тянов. Через неделю они добрались до реки Эмбы и остановились в четырех километрах от калмыцкого кочевья. От встреченных в пути казахов они узнали о военных действиях, которые велись против калмыков казахским ханом Нуралы и его братом Айчувак султаном. 21 марта разведчики благополучно вернулись в Калмыкову крепость [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 424–425об.].

4. Оренбургское и Ставропольское поселения крещеных калмыков

Обязательным условием для зачисления калмыков в Оренбургское казачье войско и Ставропольское калмыцкое войско являлся их переход в

христианское православное вероисповедание. Смена исповедания не оказала существенного влияния на религиозное мировоззрение калмыков. Вплоть до начала XX в. они оставались скрытыми приверженцами буддизма, а после издания в 1905 г. указа о веротерпимости начали открыто возвращаться к религии предков [Джунджузов 2004: 99–124]. По мнению российского правительства и православного духовенства, препятствием для укрепления крещеных калмыков в православном исповедании служило пагубное влияние калмыков-ламаистов. Поэтому перед местными оренбургскими и ставропольскими властями стояла не простая задача не допускать несанкционированных контактов между крещеными и некрещеными калмыками. Но перекрыть каналы общения между ними русские чиновники были не в состоянии. Следствием такого общения были побегы крещеных калмыков в Калмыцкое ханство. Зимой 1768 г. в Оренбурге от состоявшего при калмыцких делах подполковника И. А. Кишенского было получено сообщение о задержании в калмыцких улусах 87 беглых крещеных калмыков с женами и детьми [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89. Л. 66об.], что составляло более одного процента населения Ставропольского калмыцкого войска.

В 1745 г. калмыки получили разрешение оренбургского губернатора И. И. Неплюева селиться в крепостях по Верхнеяицкой линии. Но с 1749 г., в соответствии с неоднократно подтвержденными договоренностями с правителями Калмыцкого ханства, оренбургскому губернатору было дозволено оставить только калмыков, выразивших желание перейти в православие. Таких оказалось всего 112 человек [Джунджузов 2014: 278].

В 1757 г. под поселение оренбургских калмыков была выделена обособленная территория внутри Самарской линии, недалеко от Новосергеевской и Сорочинской крепостей. В 1765 г. им была произведена нарезка земли по казачьей норме [Джунджузов 2014: 286]. Как и в Яицком казачьем войске, статистические сведения о калмыках-казаках в Оренбургском казачьем войске, относящиеся ко второй половине XVIII в., до настоящего времени исследователями не обнаружены. Однако тот факт, что к середине 1760-х гг. в Оренбургском корпусе несли службу 200 калмыков [Шовунов 1992: 58], указывает, что за предыдущие пятнадцать лет их численность существенно увеличилась и достигала не менее пятисот человек. Оренбургскими казаками становились калмыки, перебивавшиеся в Оренбург из Калмыцкого ханства и из Яицкого войска, беженцы из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, а также переселенцы из Ставропольского калмыцкого войска.

Мобилизация оренбургских казаков, командируемых в корпус казачьего полковника А. А. Углецкого для преследования и задержания беглых калмыков, проходила в конце января 1771 г. 26 января атаман Оренбургского казачьего войска В. И. Могутов отдал приказ атаманам станиц, расположенных по Самарской дистанции, выбрать из их команд 355 «лучших и исполнительных» казаков. Уже через три дня в порядке оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 29 января содержалось распоряжение о немедленном отправлении в Яицкий городок всего пятисотенного корпуса А. А. Углецкого. Под призыв подпадали и оренбургские калмыки. 31 января это упущение было исправлено [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103об., 144; ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103об.]. Полковник В. И. Могутов удостоверял оренбургского губернатора, что «в пятисотенной

казацкой команде, отправленной с полковником Углецким к Яицкому городку, имеющиеся здешние крещенные калмыки 89 человек по словесному приказу Вашего превосходительства отменены. А вместо них из приготовленных на Самарской дистанции казаков тоже число выкомандировано» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 166].

Впрочем, когда в начале апреля, после дополнительных наборов, крепостные казаки были откомандированы в казачий корпус и Самарская дистанция обезлюдела служилыми казаками, полковник В. И. Могутов обратил внимание на оренбургских калмыков. Добиваясь разрешения губернатора на пополнение корпуса еще сотней казаков, атаман считал нужным указать, что «калмык 150 человек, которых де хотя не везде, однако во внутренних местах употреблять можно» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 14].

Самое многочисленное поселение крещенных калмыков располагалось в Среднем Поволжье, в радиусе 80–100 верст от Ставропольской крепости (ныне — Тольятти), по аналогии с которой их и стали называть ставропольскими крещеными калмыками. Первые калмыцкие поселенцы были приведены сюда в 1737 г. из Калмыцкого ханства и отданы в управление крещеной княгине Анне Тайшиной. После ее смерти в 1742 г., в результате преобразований, произведенных первым оренбургским губернатором И. И. Неплюевым, поселение получило военно-административное устройство и стало именоваться Ставропольское калмыцкое войско (до 1781 г. — корпус) [Джунджузов 2014: 77–104].

Согласно ведомости, представленной ставропольским комендантом в феврале 1771 г., в Ставрополе и его окрестности проживало 8 005 калмыков, из них 4 189 мужского пола и 3 816 — женского. В связи с принятием христианства и поселением на войсковой территории с 1758 г. джунгарских беженцев, у ставропольских калмыков появилась этническая градация. Выходцы из Калмыцкого ханства стали учитываться как калмыки волжские, а джунгары — как калмыки зенгорские. Первых насчитывалось 4 083 человека, вторых — 2 922 [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 81].

Ставропольские крещенные калмыки составляли особое военно-служилое сословие. Утвердившееся у них войсковое устройство было сходно с казачьим, но оно также учитывало специфику исторически сложившихся в калмыцком социуме общественных отношений. Представительным органом калмыцкого самоуправления являлся Калмыцкий суд. В начале 1770-х гг. в нем состояли восемь присутствующих членов, старшим из которых был полковник [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 80об.]. На коллегиальной основе в суде решались вопросы выделения денежных сумм на организационные, хозяйственные и благотворительные нужды, регулировались очередность и порядок исполнения военной повинности, разрешение судебных тяжб между калмыками. Однако решающее слово в управлении крещеными калмыками оставалось за комендантом Ставропольской крепости, в силу должности состоявшего первым членом Калмыцкого суда [Джунджузов 2014: 96].

Ставропольская провинциальная канцелярия была одним из первых территориальных ведомств, извещенным оренбургским губернатором о калмыцком побеге. И. А. Рейнсдорп требовал обеспечения «самоострожайшей предосторожности», заключающейся в недопущении ухода вслед за ханскими еще и крещенных калмыков. Необходимые сведения Канцелярии предлагалось получать от

пользовавшихся доверием калмыков — верных конфиденентов, «через которых бы всякой час поступки их, калмык, смотрены и разведываны прилежно были» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 2об.].

Сразу по получении предписания под подозрение Ставропольской канцелярии попал изъявивший желание креститься выходец из Джунгарии, дербетский нойон Нормо Даженко. Для восприятия крещения Нормо Даженко просил отпустить его в силу знатности в Санкт-Петербург. Но в этой просьбе ему было отказано. 21 декабря 1770 г. вместе с рядовым калмыком Арабшиной он был доставлен в Ставрополь. Ставропольская канцелярия выразила озабоченность: «не подослан ли он от его собратии <...> для возмущения и подговору к последованию себе на равный побег и ставропольских калмык» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5]. Оренбургский губернатор счел опасение ставропольского ведомства заслуживающим внимания и выразил мнение, что «не может статься, чтоб сей владелец о предприятиях той Волжской орды, как недавно отлучившийся, не знал» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5]. Но так как прямых доказательств к обвинению не было, Ставропольской канцелярии предлагалось установить за калмыцким нойоном неприметное наблюдение: «не тем ли он подослан как здесь мнится?» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5].

До резолюции о проведении обряда крещения Нормо Даженко передавался для наставления в христианском вероучении под опеку протопопу Андрею Чубовскому. Ставропольская канцелярия просила губернатора выделять ему в день на пропитание десять копеек, вместо положенных пяти, чтобы, как пояснялось, по его бедности нужды не имел и «неудовольствие себе чувствовать не мог» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 152–152об., 154–154об.].

Более трех десятилетий приток новокрещеных калмыков обеспечивал рост численности Ставропольского войска. Он прервался в январе 1774 г., когда восстание Е. И. Пугачева докатилось до Ставрополя, а в марте 1771 г. войсковое население пополнилось калмыками, решившими вернуться в Россию.

9 февраля 1771 г. в Калмыкову крепость пришли 54 калмыка обоего пола, и объявили, что хотят получить от российской стороны покровительство, принять христианство и поселиться в Яицком казачьем городке [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 331–331об.]. В донесении на имя генерал-майора И. К. Давыдова их представители, Домба Улюмжин и Доржи Дому, указали, что до предпринятого калмыками ухода в Джунгарию они в числе четырнадцати кибиток проживали у берегов Каспийского моря. Накануне откочевки от наместника ханства Убаши к ним приехали тридцать калмыков, заявивших, что наместнику не угодно их кочевье у моря. Ханские посланники препроводили их к новому месту кочевки на реке Камыш-Самаре, где и оставили. Обжиться на новом месте они не успели. Через два дня калмыки из проходившего через те места улуса нойона Асархи отобрали у них деньги, скот и прочее имущество. Согласно представленному реестру, отобранное имущество было оценено в 160 рублей 75 копеек [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126].

29 января 1771 г. улус Асархи, насчитывавший до 4 тыс. кибиток, был остановлен недалеко от крепости Индерских гор на переправе через Яик и возвращен командой яицких казаков под предводительством войскового старшины Алексея Митрясова [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 222–222об.]. Это обстоятельство давало ограбленным калмыкам надежду на возмещение понесенных убытков.

Из трех пожеланий пришедших в Калмыкову крепость калмыков генерал-майор И. К. Давыдов поддержал только одно — переход в православную христианскую веру. По принятию христианства он предлагал поселить их в Оренбургском ведомстве с находившимися там крещеными калмыками или в другом, определенном оренбургским губернатором, месте. Вначале губернатор И. А. Рейнсдорп распорядился отправить всех отвращенных от побега калмыков, в том числе и выразивших желание креститься, к местам их прежнего жительства в Астраханскую губернию. Тем самым забота о дальнейшей судьбе этих калмыков могла быть передана на усмотрение астраханского губернатора, который «может, по прошениям их, и во Святое Крещение допустить, а притом, по жалобе их, удовольствие им доставить» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 334об.]. Основанием к такому мнению могло служить поддержанное в 1765 г. Екатериной II ходатайство астраханского губернатора Н. А. Бекетова о предоставлении крещеным калмыкам права самостоятельно выбирать место жительства [НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 118об.].

Пересмотр своего решения о направлении желавших креститься калмыков вместо Астрахани в Ставрополь И. А. Рейнсдорп объяснял тем, что они «идти туда не в состоянии, а желание свое [креститься] не отменяют» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 479]. В сопровождении конвоя из яицких казаков их предписывалось препроводить до Самары, а из Самары состоявший там «у земских дел» капитан Балохонцов с командой должен был отвести их в Ставрополь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 479]. Расходы, связанные с переходом и дальнейшим содержанием в Ставрополе, покрывалась из суммы, ежегодно выделяемой на снабжение бедных ставропольских калмыков. После надлежащего наставления и обряда крещения вновь прибывшие распределялись на жительство по калмыцким слободам (ротам и улусам). Особое внимание губернатор И. А. Рейнсдорп уделял учреждению надзора за новокрещеными калмыками: «чтоб они ни сами в шалости впадать, ни давно живущих калмык, подобно волжской орды, худому состоянию совращать не могли» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 8–8об.].

Трудноразрешимым представлялся вопрос о компенсации новокрещеным калмыкам отобранного у них имущества. Генерал-майор И. К. Давыдов из опасения дать повод к неудовольствию, как он выразился, кажется, уже раскаявшихся подвластных нойону Асархи калмыков, запросил резолюции у оренбургского губернатора [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126]. В следующем сообщении от 5 марта генерал-майор И. К. Давыдов уведомил И. А. Рейнсдорпа, что говорил с Асархой об ограбленных его людьми калмыках. Как и следовало ожидать, ответ нойона оказался уклончивым. Он лишь обещал обстоятельно выяснить, подлинно ли те калмыки ограблены его людьми? И. К. Давыдов справедливо посчитал, что своим ответом Асарха стремится потянуть время, и когда калмыки, желавшие креститься, отправятся в Самару, а он со своим улусом возвратится в Астрахань, «то по сему обнадежению никакого удовольствия от него уповать неможно» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 331об.].

5. Заключение

Бегство волжских калмыков в 1771 г. из пределов России в завоеванную и опустошенную китайцами Джунгарию в разной степени затронуло все калмыцкие поселения Оренбургской губернии. Непосредственно вовлеченными в

него оказались калмыки, состоявшие казаками Яицкого казачьего войска, что объяснялось их соседством с Калмыцким ханством, родственными связями яицких и волжских калмыков, их конфессиональной общностью. Кроме того, миграционный поток покинувших берега Волги калмыков проходил по территории Яицкого войска. Некоторая часть яицких калмыков, в количестве от ста до двухсот человек, в течение недели присоединилась к кочевавшим из России калмыкам. Кто-то из них решался на уход под влиянием направленных из Калмыцкого ханства агитаторов, другие, и их большинство, были принуждены подчиниться, но были среди яицких казаков и такие, кто, преодолев страх, не пошли на поводу у уходивших калмыков и остались в России.

Оренбургских и ставропольских калмыков откочевка их бывших соотечественников напрямую не затронула. Препятствиями служили как отдаленность их поселений от маршрута калмыцкого перехода, так и усиленный надзор, учрежденный за крещеными калмыками со стороны российских властей.

История не терпит сослагательного наклонения — что было бы? Но три года спустя, когда Ставрополь был захвачен сторонниками Е. И. Пугачева, она преподнесла урок возможного альтернативного развития событий. В январе 1774 г. сподвижник Е. И. Пугачева, войсковой квартирмейстер Федор Иванович Дербетев собрал 2 тыс. кибиток ставропольских калмыков и увел их к Яицкому городку. Расположил он их кочевьем на реке Чаган — месте отдаленном, открытом и удобном для ухода из пределов России. После поражения пугачевцев и гибели самого Ф. И. Дербетева уведенные им калмыки возвратились в Ставропольский уезд. Следствием этого перехода и участия калмыков в военных действиях стала потеря третьей части населения Ставропольского калмыцкого войска.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.

ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Sources

National Archive of the Republic of Tatarstan.

United State Archive of Orenburg Region.

Литература

Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.

Беликов 1971 — *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (17730–1775 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.

Болдырева 2006 — *Болдырева О. Н.* Калмыцкое ханство в восточной политике России с начала XVIII в. и до 1771 г. // Наука и современность. 2016. № 1(7). С. 256–269.

Джунджузов 2004 — *Джунджузов С. В.* Конфессиональная организация оренбургских калмыков-ламаистов в начале XX века // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля. Вып. 4. Оренбург: ОГПУ, 2004. С. 99–124.

Джунджузов 2014 — *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: ОГАУ, 2014. 434 с.

Джунджузов 2016 — *Джунджузов С. В.* Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй

- половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 3. С. 46–50.
- Дорджиева 1999 — *Дорджиева Е. В.* Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 309 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2003. 53 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. / отв. ред. А. В. Цюрюмов. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Левшин 1832 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. 4.2. Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 332 с.
- Мавродин 1961 — *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 1. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1961. 588 с.
- Попов 1861 — *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М.: Тип. В. Грачева и К., 1861. 804 с.
- Тепкеев, Кабульдинов 2023 — *Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е.* Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Чимитдоржиев 1989 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгоутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. С. 50–67.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX в.). Элиста: КИОН РАН, 1992. 320 с.

References

- Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for the Independence of our Motherland. Elista: Kalmizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Participation of the Kalmyks in the Peasant War under the Leadership of E. I. Pugachev (1773–1775). Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 168 p. (In Russ.)
- Boldyreva O. N. Kalmyk Khanate in the Eastern Policy of Russia from the Beginning of the 18th Century to 1771. *Science and Modernity*. 2016. No. 1 (7). Pp. 256–269. (In Russ.)
- Chimitdorjiev S. B. On Migrations of the Oirats (Kalmyks) in the 17th–18th Centuries. «Torgout Escape» of 1771. In: *Studies on the History and Culture of Mongolia: Collection of Scientific Researches*. Sh. Chimitdorjiev (ed.). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1989. Pp. 50–67. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Confessional Organization of Orenburg Kalmyks Lamaists at the Beginning of the 20th Century. In: *Eurasian Necklace. Almanac of the Public Historical Institute of the Peoples of Orenburg Region named after Musa Jalil*. No. 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2004. Pp. 99–124. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga Region and the Southern Urals: Imperial Mechanisms of Acculturation and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid-30s of the 18th – first quarter of the 20th century). Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2014. 434 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Legal Regulation of the Appointment of Priests to Buddhist Communities of the Ural Cossack Army in the Middle and Second Half of the 19th Century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the RAS*. 2016. No. 3. Pp. 46–50. (In Russ.)
- Dorzheva E. V. The Migration of Most of the Kalmyks from Russia to Dzungaria in 1771. Diss. Cand. Sc. (History): Volgograd, 1999. 309 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Nomadism: the Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th Centuries. Author's Abstract. Diss. Cand. Sc. (History). Volgograd, 2003. 53 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. The Russian State and the Buddhist Church in the South of Russia: Stages of the Evolution of Socio-Political Interaction in the 17th – early 20th Century. A. Tsyuryumov (ed.). Astrakhan: Publisher: Roman V. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)

- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack Hordes and Steppes. 4.2. *Istoricheskie Izvestiya*. St. Petersburg: Printing house of Karl Kraj, 1832. 332 p. (In Russ.)
- Mavrodin V. V. The Peasant War in Russia in 1773–1775. Vol. 1. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1961. 588 p. (In Russ.)
- Popov N. A. V. N. Tatishchev and His Time. An Episode from the History of State, Public and Private Life in Russia, the First Half of the Last Century. Moscow: Printing House of V. Grachev and Co., 1861. 804 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 756–768. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 845 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyks as Part of the Russian Cossacks (the Second Half of the 17th–19th Centuries). Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences of the RAS, 1992. 320 p. (In Russ.)